

А.В. Жарский

СООТНОШЕНИЕ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ НАРУШЕНИИ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ

Нарушение договора международной купли-продажи влечет определенные правовые последствия для субъектов, участвующих в этом правоотношении. Для характеристики данных последствий предлагается использовать категорию "средств правовой защиты" как правомочий, предоставленных потерпевшей стороне в случае неисполнения ее контрагентом своих обязанностей по договору. Учитывая то обстоятельство, что пострадавшая сторона обладает набором различных средств правовой защиты, возникает очевидный вопрос о их соотношении при реализации права на защиту. Именно данной проблеме и посвящена эта статья, причем анализу будут подвержены соответствующие положения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (в дальнейшем Конвенция), т.к. данный международный документ, если только стороны не исключили его применение или не отступили от любого из его положений (ст. 6 Конвенции), может применяться к большинству международных торговых контрактов, заключенных субъектами хозяйствования Республики Беларусь¹.

Если контрагент не исполняет какого-либо из своих обязательств по договору или по настоящей Конвенции, то «покупатель может: а) осуществить права, предусмотренные в статьях 46-52; б) потребовать возмещения убытков, как это предусмотрено в статьях 74-77» (ст. 45 п.1), а «продавец может а) осуществить права, предусмотренные в ст. 62-65; б) потребовать возмещения убытков, как это предусмотрено в статьях 74-77» (ст.61 п.1). Если перечислить средства правовой защиты, к которым делается ссылка в вышеуказанных статьях, то к ним относятся общие для продавца и покупателя право требовать исполнения контрагентом обязательств (ст.46, 62), право установить дополнительный срок для исполнения обязательств (ст.47, 63), право расторгнуть договор (ст.49, 64), а также индивидуальные для покупателя право требовать замены товара или устранения его несоответствия путем исправления (ст.46 п.2, 3), право снизить покупную цену (ст.50), право устраниить даже после установленной для поставки даты за свой счет любой недостаток в исполнении им своих обязательств (ст.48), право продавца составить спецификацию (ст.65). Но на этом набор средств правовой защиты, имеющихся в распоряжении пострадавшей стороны не исчерпывается, ибо Конвенция содержит общие для сторон положения (Часть III, Глава 5), которые предусматривают право на взыскание процентов (ст.78), средства

защиты в случае предвидимого нарушения договора (ст.71-73), право удерживать и получить возмещение расходов, когда сторона несет обязанность обеспечить сохранность товара (ст.71-73).

Предоставляя пострадавшей стороне такой широкий "набор" средств правовой защиты при любом нарушении обязанностей контрагентом, Конвенция в то же время не содержит определенного регулирования в отношении того, насколько обращение к тому или иному средству правовой защиты исключает или ограничивает одновременное использование или обращение в дальнейшем к другим средствам защиты. Среди содержащихся в Конвенции норм, очевидно касающихся соотношения средств защиты, можно указать на следующие.

Во-первых, как ст.45 п.2, так и ст.51 п.2 содержит общее для сторон положение, что "осуществление покупателем (либо продавцом) своего права на другие средства правовой защиты не лишает его права требовать возмещения убытков". Таким образом, независимо от того, к каким средствам пострадавшая сторона обращалась первоначально, например, если она осуществила свое право расторгнуть договор, его всегда можно дополнить требованием о возмещении убытков. Необходимость и обоснованность такого положения не вызывает сомнения, т.к. средства правовой защиты, имеющиеся в распоряжении потерпевшей стороны, имеют разную направленность, т.е. их использование обеспечивает защиту разных по своей природе интересов, хотя частично, в отдельных своих проявлениях, они могут совпадать с другими средствами. Например, приостановление исполнения договора либо его расторжение в случае предвидимого нарушения договора (ст.71) имеют только превентивный характер, т.е. предотвращают возможный будущий ущерб, тогда как расторжение полностью или частично исполненного договора помимо того, что носит превентивный характер, обеспечивает защиту восстановительного (реституционного) интереса, т.к. от нарушившей стороны можно потребовать возврата всего того, что было исправленной стороной поставлено или уплачено по договору (ст.81 п.2). В то же время расторжение договора не сможет защитить ожидаемый (позитивный) интерес, т.е. те выгоды, которые сторона намеревалась получить от исполнения договора (упущенная выгода), а также не сможет полностью защитить отрицательный договорный интерес, т.е. те невыгодные последствия (ущерб), который был понесен стороной в расчете на то, что контрагент исполнит свои обязательства.

Для уяснения действительного соотношения между правом требовать возмещения убытков и другими средствами правовой защиты следует подчеркнуть, что в соответствии со ст. 45 п.2, 61 п.2. пострадавшая сторона *не лишается права* требовать возмещения убытков в результате осуществления иных средств за-

щиты, т.е. требование о возмещении убытков может быть заявлено, однако его удовлетворение и размер присуждаемой компенсации будет зависеть от того, насколько интересы пострадавшей стороны не были защищены использованием других средств защиты. Например, покупатель, осуществивший право снизить покупную цену по ст. 50, сможет взыскать убытки лишь в размере действительного причиненного ему ущерба от поставки несоответствующего товара, при определении которого, конечно же, будет принято во внимание снижение покупной цены. Возможна ситуация, когда в результате снижения цены покупатель вообще не понесет ущерба. В таком случае, если требование о возмещении убытков и предъявляется, оно не будет удовлетворено в силу ст.74 Конвенции, которая устанавливает, что убытки составляют «*сумму, равную тому ущербу, который понесен ... вследствие нарушения...*». Таким образом, совместимость требования о возмещении убытков с другими средствами правовой защиты обусловливается самой спецификой данного требования, его гибкостью и соразмерностью конкретным обстоятельствам, что позволяет выделить и обеспечить компенсацию тех интересов (того ущерба), которые еще не были защищены в результате осуществления иных средств правовой защиты.

Во-вторых, среди норм Конвенции, касающихся соотношения средств правовой защиты, можно выделить регулирование, установленное применительно к требованию реального исполнения обязательств. В частности, в соответствии со ст.46 (1), 62 сторона может требовать исполнения неисправным контрагентом своих обязательств, если только она «не прибегла к средству правовой защиты, *не совместимому с таким требованием.*» Очевидно, что не совместимым с требованием реального исполнения, в том числе с требованием покупателя о замене или исправлении несоответствующего товара, является осуществление права расторгнуть договор (ст. 49, 64) и снизить покупную цену (ст.50)². Возникает вопрос, совместимо ли требование о возмещении убытков с последующим требованием о реальном исполнении обязательств? Ответ не настолько очевиден, как может показаться на первый взгляд. Не вызывает сомнений, что "помимо права требовать исполнения договора, покупатель имеет возможность получить возмещение за любые убытки, которые он мог понести в результате *несвоевременного исполнения* продавцом своих обязательств"³. В то же время в силу уже рассмотренной ст.45 п.2 нельзя однозначно сделать обратный вывод, т.е. что взыскание убытков *не лишает* потерпевшую сторону возможности требовать реального исполнения, либо права осуществить иное средство защиты. С одной стороны, требование убытков за *просрочку исполнения* не будет не совместимым с реальным исполнением. Но с другой стороны, взыскание убытков

за неисполнение обязательств, например, за поставку несоответствующего товара, особенно если они исчисляются методом "снижения стоимости сделки", несовместимо с требованием реального исполнения обязательств, например, по-следующим требованием замены товара или устранения его несоответствия⁴. Данной позиции придерживаются и другие авторы. Однако они справедливо указывают, что несовместимым с реальным исполнением является не само требование о возмещении убытков, исчисляемых на основе разницы между рыночной ценой и ценой сделки, а тот факт, что исчисление таким способом убытков (ст.76) возможно лишь при расторжении договора, что и определяет несовместимость требований⁵.

В-третьих, если продавец или покупатель устанавливает в соответствии со ст. 47, 63 дополнительный срок разумной продолжительности для исполнения неисправной стороной своих обязательств (процедура *Nachfrist*), то он "не может в течение этого срока *прибегнуть к каким-либо* средствам правовой защиты от нарушения договора", за исключением случаев, когда от нарушившего контрагента поступило сообщение, что он не осуществит исполнение и в течение дополнительного срока. Следует отметить, что даже если исполнение и состоится в течение дополнительного срока, исправная сторона не лишается права требовать возмещения убытков за просрочку в исполнении (ст.47, 63 п.2). Закрепление данного положения, несмотря на существование общей нормы о совместимости возмещения убытков с другими средствами, обусловливается необходимостью прояснить тот факт, что установление дополнительного срока для исполнения не является изменением договорного условия о сроке поставки, и если исполнение и состоится в течение такого дополнительного периода, оно все равно будет представлять собой нарушение договора.

В то же время не все так однозначно с исключением всех остальных (кроме убытков) средств правовой защиты при установлении дополнительного для исполнения срока. Следует признать обоснованным утверждение, что установление дополнительного срока, например, в связи с невыполнением обязательства по оплате товара, не исключает для пострадавшей стороны не только возможности взыскать проценты за просрочку в уплате на основе ст.78, но даже и расторгнуть договор, например, в связи с отказом покупателя принять поставку, когда такие действия составляют существенное нарушение договора⁶. Некоторые авторы осмеливаются утверждать, что использование процедуры *Nachfrist* не лишает сторону права требовать реального исполнения обязательств от неисправного контрагента, ибо ст. 47 (2), 63 (2), по их мнению, ограничивает только расторжение договора по тому же основанию, в отношении которого и был ус-

становлен дополнительный срок⁷. К несовместимому с Nachfrist-средством следует также отнести право снизить покупную цену, право требовать замены товара, когда покупатель первоначально установил дополнительный срок для исправления продавцом несоответствия в поставленном им товаре. Следует отметить, что после истечения дополнительного срока, установленного для исполнения, пострадавшая сторона может осуществить любое средство правовой защиты без рассмотренных выше ограничений.

В-четвертых, значительное влияние на осуществление покупателем средств защиты оказывает право продавца даже после установленной для поставки даты устранить за свой собственный счет любой недостаток в исполнении им своих обязательств (ст.48 п.1), "если он может сделать это без неразумной задержки и не создавая для покупателя неразумные неудобства или неопределенности в отношении компенсации продавцом расходов, понесенных покупателем". Данное положение следует рассматривать как средство правовой защиты, предоставленное самой *нарушившей договор* стороне, ибо оно носит защитный характер в том смысле, что предотвращает возможные чрезмерные действия пострадавшей стороны по защите. Значение данного средства состоит в том, что покупатель, если только он не отказался от просьбы продавца принять исполнение, не может в течение указанного продавцом срока для устранения недостатков прибегнуть к какому-либо средству правовой защиты, несовместимому с исполнением обязательств продавцом (ст.48 п.2), например, расторгнуть договор. Покупатель, однако, сохраняет право требовать возмещения убытков в соответствии с настоящей Конвенцией.

Осуществление данного средства продавцом возможно лишь «При условии соблюдения ст.49», т.е. зависит от того, расторг ли покупатель договор в результате допущенного продавцом нарушения. Если покупатель правомерным образом расторгает договор, то продавец будет лишен возможности устраниТЬ недостаток в исполнении им своих обязательств, даже если он может сделать это «без неразумной задержки... неудобства ...или неопределенности...». Но проблема заключается в том, что, например, поставка несоответствующего товара, когда срок исполнения не имеет для покупателя особого значения, не должна признаваться существенным нарушением договора, что дает право расторгнуть договор, если несоответствие носит такой характер, что от продавца можно рационально ожидать его устраниения «без неразумной задержки... неудобства ...или неопределенности...»⁸. Таким образом, соотношение между правом покупателя расторгнуть договор и правом продавца устраниТЬ недостаток в исполнении им своих обязательств (ст.48) не настолько очевидно, как может показаться на пер-

вый взгляд, и конечный результат будет зависеть от обстоятельств конкретного дела.

Осуществление продавцом права устраниить недостаток в исполнении им своих обязательств (ст. 37, 48), а также если покупатель отказался принять исполнение со стороны продавца в соответствии с этими статьями, лишает его возможности снизить цену в соответствии со ст. 50.

Формулировка ст. 48 порождает еще одну проблему, связанную с соотношением права продавца устраниить, например, несоответствие в поставленном им товаре, и права покупателя требовать замены товара (ст.46 п.2), когда несоответствие представляет собой существенное нарушение договора. Представляется, что если продавец может путем исправления достичь того же результата, как если бы товары были бы заменены, то решающее значение приобретают расходы неисправной стороны по осуществлению этих действий. Следует отдавать приоритет тому из этих средств, которое потребует от продавца наименьших расходов, т.к. ст.77 Конвенции устанавливает обязанность потерпевшей стороны принять должные меры по уменьшению ущерба, что также будет отвечать принципу соблюдения добросовестности в международной торговле.⁹

И в-пятых, Конвенция в ст.78 устанавливает, что «сторона имеет право на проценты с просроченной суммы без ущерба для любого требования о возмещении убытков, которые могут быть взысканы на основании ст.74». Возникает вопрос, являются ли проценты частью убытков, т.е. носят ли они зачетный характер или нет? Если принять во внимание историю разработки данной статьи на Венской Конференции 1980 г., используемые формулировки на других языках, принцип соблюдения добросовестности в международной торговле, который необходимо учитывать при толковании Конвенции (ст.7), то ответ скорее да, чем нет. Так, председатель рабочей группы, которая разрабатывала ст. 73 бис (ст.78), отметил, что вторая ее часть направлена на то, «чтобы увязать правовые положения, в соответствии с которыми проценты считаются частью убытков, подлежащих возмещению в случае нарушения договора, поэтому она и предусматривает право требовать возмещения убытков»¹⁰.

И действительно, использование вместо русского «без ущерба» в английском варианте «without prejudice» имеет другой смысловой оттенок, т.е. взыскание процентов «не предрешает заранее» (не исключает) права требовать возмещения убытков. Закрепляется, таким образом, всего лишь совместимость двух требований, а не устанавливается характер влияния процентов на *размер* взыскиваемых убытков. Таким образом, пострадавшая сторона, взыскав проценты, имеет право требовать возмещения убытков, однако они должны быть удовле-

творены судом в сумме, равной действительно понесенному ущербу, при определении которого, несомненно, должны быть приняты во внимание полученные проценты по ст. 78. Как указывает профессор Л. Севон, ст. 74 должна применяться таким образом, чтобы допустить взыскание убытков в размере, в котором ущерб стороны не покрыт процентами¹¹.

Данный подход находит полное отражение в судебной практике, т.к. суды обычно объединяют требования о возмещении процентов с доказанными требованиями о возмещении убытков сверх процентов, присуждая денежную сумму, выраженную общей ставкой процентов¹².

В целом можно сделать вывод, что Конвенция создает гибкую систему правовой защиты, что позволяет при ее реализации учитывать конкретные обстоятельства отношений и выбирать такую схему защиты, которая бы обеспечивала интересы пострадавшей стороны в максимальной степени, не допуская при этом злоупотреблений предоставленными правами. Тот факт, что Конвенция прямо устанавливает возможность компенсировать посредством взыскания убытков те интересы, которые не были защищены осуществлением других средств правовой защиты, позволяет сделать общее заключение, что целью всей системы средств правовой защиты по Конвенции (а не только убытков) является обеспечить потерпевшей стороне такое экономическое положение, в котором она оказалась бы, если договор был бы исполнен надлежащим образом¹³. Поэтому при решении вопроса о соотношении, совмещении средств правовой защиты необходимо исходить из общепринятого подхода, что реализация права на защиту не должна приводить к обогащению потерпевшей стороны, не должна вести к получению вторичного удовлетворения. Хотя данное положение не закреплено в явной форме в Конвенции, однако оно может быть выведено либо исходя из толкования ее норм на основе прямо установленного принципа соблюдения добросовестности в международной торговле (ст. 7 п.1), либо, если признать, что данный вопрос прямо не урегулирован Конвенцией, то исходя из общих принципов, на которых она основана (ст. 7 п.2), к числу которых, несомненно, относится принцип обеспечения полной компенсации, исключающий совмещение средств правовой защиты, если это будет вести к обогащению потерпевшей стороны.

¹ Условия применения Конвенции определяются в ст. 1-6. Принципиальное значение имеет то, что Конвенция применяется к договорам международной купли-продажи между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в договаривающихся государствах (Республика Беларусь, как и более чем 50 государств, является участником), или когда применимо право договаривающегося государства, например, право Республики Беларусь.

лики Беларусь как право продавца (ст. 1 п.1 (а) (б) Конвенции).

² Honnold J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention. 2nd ed. Kluwer. 1991. P.362.

³ Комментарий к проекту Конвенции 1978 г. Конференция ООН по договорам международной купли-продажи товаров. Официальные отчеты. ООН. 1981. С.44

⁴ Walt S. For Specific Performance under the UN Sales Convention // 26 Tex. Int'l. L. J. 1991. P.211.

⁵ Treitel G. Remedies for breach of contract. Oxford. 1998. P.50-51.

⁶ Enderlein F. Maskow D. International Sales Law: Commentary. 1992. P.240-241.

⁷ Schlechtreim P. Recent developments in International Sales Law / 18 Israel. L. R. 1993. P.321.

⁸ Honnold J. Uniform Law for International Sales Under the 1980 United Nations Convention. 2nd ed. Kluwer. 1991. P.367.

⁹ Will in Bianca-Bonell Commentary on the International Sales Law. Milan. 1988. P.355-366.

¹⁰ Конференция ООН по договорам международной купли-продажи товаров. Официальные отчеты. ООН. 1981. С 263.

¹¹ Sevon L. Obligation of the Buyer under the UN Convention on contracts for a International Sale of Goods // International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures. 1986. P.228.

¹² Behr V. The Sales Convention in Europe: From Problems in Drafting to Problems in Practice // 17 Journal of Law and Commerce. 1998. P.278.

¹³ Данный принцип был сформулирован в Комментарии к проекту Конвенции 1978 г. только применительно к требованию о возмещении убытков. Конференция ООН по договорам международной купли-продажи товаров. Официальные отчеты. ООН. 1981. С.68.

